

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ
СМЕНА

г. Горький

20 ФЕВ 1983

Экспресс —
КОММЕНТАРИЙ

ЛИТЕРАТУРА

и

ИСКУССТВО

2207

ПОЭЗИЯ —

ТОЧНЕЙШАЯ НАУКА

Эти заметки о двух последних книгах поэта Николая Доризо — «Звенья» (М., «Советский писатель») и «Строфы» (М., «Правда»).

О СТРОУМИЕ — редкий дар, в поэзии же — редчайший. Не согласимся с теми, кто сводит его лишь к удачно найденному меткому словечку: остроумие — не остро словие. Остроумие — максимальная концентрация смысла, обобщение многого в малом, кратчайше выраженном. «Мне емкость хочется воспеть как целомудрие таланта» — замечает Н. Доризо как поэт, стремящийся достичь «тесноты стихового ряда» (Ю. Тынянов) с помощью афористической строки. При этом оказывается, что возможности афористической поэзии не так уж и малы — Н. Доризо сумел доказать, что они практически безграничны.

Из стихов о любви: «Вся жизнь, что прожил до тебя, была тебе изменой» — ведь это же, если угодно, самый убогий из всех, какие только могут быть, конспект романа о любви и вместе с тем вполне законченный очерк души цельной и возвышенной, любви восторженной и романтической. Значит, возможно, минуя описания и детализацию, сразу, молниеносно проникнуть к сути? Оказывается, да. Что совсем не означает, будто поэт не владеет искусством детали или избегает описаний, подробностей, быта.

В стихотворении «Меньшиков», обращаясь к жизни баловня судьбы и всемогущего фаворита петровской эпохи, который и до сих пор притча во языцех, поэт выступает вполне традиционно, касается общеизвестных аксессуаров («На рынке пирожками торговать, водить полки на приступ под Полтавой...») — с тем, чтобы вдруг резко отступить в иное измерение: «Очнуться в Третьяковской на холсте в продымленной избенке не по росту» — и тем закончить, потому что все сказано.

Или совсем по-иному достигается торжество поэтической емкости в стихотворении вполне, кажется, бытовом «Мать и дочь»: обе сеньские, старенькие, похожие, «из-под шляпок буколки — беленькие стружки»... и — недоумение — как же так: «ведь одну из двух старых родила другая?» Недоумением бы и закончить или вознестись к общему: жизнь скоротечна, проходит неза-

метно, — и ординарное стихотворение готово. Так и идет: «От простуды берегла. Это ж было, было...» Но нет: «Женихов разогнала — так ее любила». Ведь мы и ожидали такой концовки, не правда ли, — внешне тихой, умиротворенной, с улыбкой выказанной и. чего не ожидали, саркастически горькой? Поистине сказано здесь больше, чем произнесено.

Н. Доризо, особенно когда он идет от индивидуального, способен создать настоящую драму жизни минимальным количеством слов на максимально сжатом поэтическом «пяточке». Когда поэт идет от общего, предлагая самый результат размышления, «вывод» и убирая его ход, далеко не всегда получается сильно и убедительно. Нет, и в этом случае налицо броская выразительность конечной мудрости, но где-то рядом начинает сквозить необязательность, субъективное, стих становится вялым, а мысль плосковатой.

Лукавое четверостишие Н. Доризо:

Любой из нас большой актер,

Что самого себя играет.

Большой актер, но до тех пор.

Пока он сам того не знает, — универсально по содержанию: повинаясь логике самого автора, мы должны отдать предпочтение все же не «Строфам», где поэт «знает», а «Звеньям», где жанр афористической миниатюры вкраплен в умело и последовательно «жизнеподобно» организованный поток поэтического мышления. «Звенья» — полнокровный, многомотивный сборник стихов, книга, «Строфы» — собрание опытов в жанре афористической миниатюры.

Стихотворный тезис — призыв «Нельзя поэту многословиться. Поэт, будь кратким, как пословица», несмотря на свою выигрышную ланидарность, все-таки спорен: поэзия враждебна многословию, это так, но ведь и не сводима к пословице! Гораздо более прав поэт, заявляя: В эпоху, когда бог —

расчет, чертеж,

Поэзия — точнейшая наука.

Что это действительно так, Н. Доризо доказал лучшими стихами своих новых поэтических сборников.

В. ХАРЧЕВ.